

Свет в окне

Встр. Москва. — 1992 — 24 дек. — с. 5.

ПЛАНЕТА АЛЛА,

или

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Она тогда вполне умещалась в серебристом блюде репродуктора. Ее голос летал над выстуженным парком, над черными деревьями, над дощатой эстрадой у набережной и рассказывал про несчастного Арлекина, который, судя по всему, был существом, схожим с Чебурашкой — «без имени и, в общем, без судьбы». Песенку крутили через каждые полчаса, и каждые полчаса голос достигал меня на самых дальних аллеях...

«Я люблю! Я смеюсь! Я плачу!» — шипал он меня то за правое, то за левое ухо, но я не поддавался, я твердо помнил, что настоящие люди и когда не «якают» и не афишируют своих истинных чувств. Мои губы твердо сжимались, я был — Марат Казей, Леня Голиков и Володя Дубинин одновременно, и никакие пытки (или песенки) не могли бы тогда выжать из меня даже слезинки. К тому же у меня в тот вечер сперли ботинки, я возвращался домой на коньках, и мне, само собой, было не до чебурашек...

Но с тех самых пор странная планета-голос не оставляла меня в покое. То она врывалась в комнату с экрана — шумно и ослепительно, то тихо вливалась в дверь и была так же черна и кругла, как «апрелевская» пластинка... И многие голоса, до того безнадежно «мыкавшие», вдруг словно соскакивали со своих унылых орбит и впадали в самое откровенное «ячество»... Я люблю! — все увереннее повторяли они. — Я плачу! Я смеюсь!...

... Целовать или не целовать? И если все-таки целовать — то куда?

— вопрошал я себя уже годы спустя, сидя на темной детсадовской веранде и ожидая в объятия свою первую пассию... Мороз, естественно, крепчал. Мои щеки, естественно, пылали, а поджилки тряслись. Вокруг медленно кружились дома с равнодушно сиявшими окнами. Я погибал от громадности и неразрешимости поставленных перед собою задач...

— Бежать! — наконец смалодушничал я. — Бежать немедленно! Хватит с меня этих баб! Лучше мороженого съем...

И вот когда ноги уже сами понесли меня прочь, а комсомольская душа уже готовилась отпраздновать труса — чье-то окно на втором этаже вдруг с хрустом раскрывлось, и планета-голос подала

мне свой ободряющий сигнал...

— Все могут короли! — заявляла она громко и недвусмысленно. — Все могут короли!

Не стану описывать нахлынувших на меня чувств. Важно лишь подчеркнуть, что шаболовский Ромео был возвращен на веранду, где, собственно, дождался урочного часа, и сорвал свой первый в жизни поцелуй...

А горластая планета тем временем забиралась все выше и выше к зениту, меняла орбиты и спутники, переживала бури и катастрофические перемены — но свет ее, несмотря ни на что, с каждым годом становился все ярче и пронзительней, а притяжение — ощути-

И по ее изумрудным лужайкам

уже разгуливали не только грустные арлекины, самонадеянные короли или художники с охапками алых роз, но и вполне земные дамы...

«Мне нравится, что Вы больны не мной,

Мне нравится, что я больна не Вами,

Что никогда тяжелый шар земной

Не уплывет под нашими ногами...» — каждую новогоднюю ночь зачарованно повторяла страна вслед за Барбарой Брыльской, замечая и великодушно прощая ей невольную подмену...

На волшебной планете хватало места всем.

«Судьба, прошу, не пожалей добра,

Терпима будь, а значит — будь добра.

Храни меня, и под своей рукою дай счастья мне, а значит — дай покоя», — просила она и за себя, и за миллионы других, безгласных...

...Неделю назад в «Олимпийском» я увидел то, о чем раньше лишь догадывался. Я пришел на «Рождественские встречи», а встретил вдруг свой заснеженный парк, дощатую эстраду-ракушку, знакомую веранду, где когда-то целовал сопливую семиклассницу, киоск, где до сих пор покупаю цветы. И — тысячи других людей, тоже узнавших этот парк, веранду, киоск... И так же внезапно понял, что планета-голос теперь настолько выросла, что сумела вместить и обнять собою целый город, стать его воздухом, которым он дышит вот уже столько лет, порою этого и не замечая...

Когда-то едва видимая серебристая точка на темном небе, кричащая про экзотического Арлекина, теперь и сама для многих стала небом, в котором загораются и сосуществуют такие разные артистические судьбы.

Поэтому я совсем не удивился, когда в песне Александра Буйнова вдруг ясно различил интонации «Арлекино», а, например, в песнях Екатерины Семеновской или Тани Булановой — интонации из «Миллиона алых роз...» Или, поддаваясь необъяснимой магии мелодий и слов Андрея Мисина, неожиданно вспомнил:

«По улице моей который год
Звучат шаги — мои друзья уходят,

Друзей моих медлительный уход
Той темноте за окнами угоден...»

Я слушал, смотрел и думал о том, что все мы — и те, кто был на сцене, и те, кто был в зале, — волные или невольные пленники ее притяжения, разноречивые цвета ее спектра, соединить которые во что-то слитное, цельное и гармоничное дано лишь ей одной.

«Жить без любви намного проще...

Но как, скажите, без любви жить?» — пела со сцены невысокая женщина в черном бархатном берете, и тем, кто не был тогда в «Олимпийском», наверное, трудно будет объяснить, почему у многих людей в глазах были слезы, почему ей целовали руки и дарили столько цветов...

С Рождеством Вас, Алла Борисовна! Многие лета Вам и всем Вашим планетянам!

Сергей МЕНЖЕРИЦКИЙ.
Фото С. ЖАБИНА.